

Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское
учреждение «Российский институт истории искусств»

УДК 792 УТВЕРЖДАЮ

№ госрегистрации Директор РИИИ

Инв. № _____ А.Л. Казин

« ____ » _____ 2016 г.

ОТЧЕТ

о научно-исследовательской работе

по теме:

Коллективное исследование “Русское изобразительное искусство и архитектура в период Первой мировой войны”

Зам. директора

по научной работе _____ Д.А. Шумилин

Руководитель темы _____ И.Д. Чечот

с.н.с. зав сектора истории и теории изобразительного искусства РИИИ

Санкт-Петербург 2016

Ключевые слова: Первая мировая война, русское искусство, скульптура, архитектура, публицистика, художественная критика

Сектор истории и теории изобразительного искусства РИИИ продолжает работу над изучением истории русского искусства. Подготовленное издание посвящено русскому искусству (архитектуре, скульптуре, живописи) и в целом художественной жизни России эпохи Первой мировой войны

Актуальность сборника заключается в исследовании периода Первой мировой войны, с введением в научный оборот ранее не публиковавшихся сведений по истории архитектуры и искусства России эпохи Первой мировой

войны, а также новой интерпретации уже известных фактов, событий и явлений, касающихся важного периода культурной жизни России XX века

Объектом исследования – архитектура и искусство России XX века эпохи Первой мировой войны.

Предмет исследования – изучение и анализ основных тенденций и развития архитектуры и искусства России XX века эпохи Первой мировой войны.

Основные цели и задачи исследования – сохранение культурного наследия России, выявление общих закономерностей эволюции архитектуры и искусства России XX века.

Методология исследования опирается на классические искусствоведческие методологии анализа памятников архитектуры и изобразительного искусства.

Научная новизна исследования заключена в анализе малоизвестного материала эпохи Первой мировой войны с позиций современного искусствоведения.

Практическое применение. Публикуемые научные исследования расширяют представление о русском искусстве второго десятилетия XX века. Они могут применяться исследователями и аспирантами при написании монографий, коллективных трудов, отдельных статей, научных сборников, диссертаций и других форм и жанров научных работ; использоваться преподавателями вузов соответствующих направлений для подготовки лекционных курсов и других учебных материалов по истории русского искусства; служить в качестве дополнительных источников сведений для студентов в учебном процессе высшей школы.

Сроки проведения работ: 2014 – 2016 гг.

Запланированный объем сборника: 20 л.

Фактический объем сборника: 20,5 л.

Коллективное исследование “Русское изобразительное искусство и архитектура в период Первой мировой войны” (редактор-составитель А.А. Бобриков) утвержден к печати на заседании сектора теории и истории изобразительного искусства 19. 12. 2016 г. (протокол № 6). Рецензенты: доктор философских наук, профессор кафедры истории западноевропейского искусства института истории СПбГУ А.В. Рыков; с.н.с. сектора теории и истории изобразительного искусства РИИИ И.Д. Чечот.

Ученый совет утвердил сборник к печати 26. 12. 2016

Содержание:

Вступление

Саблин И.Д. (Русская) архитектура и (первая мировая) война

Бобриков А.А. Футуризм и футуристический милитаризм. Русское модернистское искусство эпохи Первой мировой войны

Королев А.В. Образ Первой мировой войны в русском искусстве

Громов Ф.Ю. Художественная жизнь в годы Первой мировой войны

Приложение 1

А.В. Рыков, профессор кафедры истории западноевропейского искусства института истории СПбГУ

Рецензия на коллективное исследование сектора истории и теории изобразительного искусства и архитектуры Российского института истории искусств «Русское изобразительное искусство и архитектура в период Первой мировой войны»

В эти месяцы и дни наша страна вместе со всем миром вспоминает яркие и трагические события столетней давности – битвы войны, называемой в Западной Европе «великой» и, как известно, – до недавнего времени – основательно позабытой у нас. Наконец, как кажется, и мы осознали всю историческую значимость тех военных действий: в память о Первой мировой сейчас проходят выставки, организуются конференции, создаются монографии. Однозначных суждений в такой ситуации ждать не приходится – едва ли они нужны. Гораздо важней – тщательный сбор материалов, а также сложная работа по осмыслению истории той войны; споры, столкновение мнений, противоречивые концепции – вот, к чему следует, на мой взгляд, стремиться. Особенно это верно в отношении эпизодов художественной жизни тех лет, процессов, в каком-то смысле, развивавшихся параллельно военным действиям, но где-то неожиданно, порой даже парадоксально с ними пересекавшихся. Односторонний взгляд, предполагающий лишь банальное отражение «вестей с фронта» в художественных и околохудожественных практиках, хуже того: убогую пропагандистскую деятельность, едва ли уместен. По счастью, современным

исследователям, в большинстве своем, удастся его избежать – что достаточно ярко проявилось, скажем, в выставке, организованной ГРМ в 1914 году, которой вдохновлялись и авторы рецензируемого сборника.

С самого начала, как можно видеть, здесь не ставилась задача координировать усилия отдельных участников, представляющих, впрочем, исторически сложившийся научный коллектив. Речь, однако, не должна идти о совместно написанном едином тексте, скорее, о достаточно разнохарактерных вкладах отдельных участников, различающихся по стилю, объему, структуре. Такой подход не всегда срабатывает, но здесь он кажется вполне оправданным.

Сборник открывает статья И.Д. Саблина, посвященная русской архитектуре 1910-х гг. Этот текст уступает по своим размерам другим фрагментам, что, кажется, оправданно сложностью реагирования данного вида искусства на события какой бы то ни было войны. Первая же мировая, вообще, показалась русскому зодчеству лишь какой-то досадной помехой (не более того!), прервавшей плавное развитие ретроспективных направлений, утвердившихся здесь еще около 1909 г. Подобным образом, наше зодчество, как известно, оказалось не готово и к революциям 1917 г. и к последовавшим за ними социальному эксперименту; в то время как представители авангарда в живописи, поэзии, театре, так или иначе, готовили эти события, архитекторы явно плелись в хвосте. Как справедливо отмечает Саблин, строительная деятельность постепенно сходит на нет, но это не порождает и какого-то феномена бумажного проектирования, подобного имевшему в те годы место на Западе – не говоря уже об исключительной активности наших зодчих в годы Великой отечественной. Даже тема памятника жертвам и героям, хотя и выносятся на конкурс, не становится для архитекторов большим событием, скорее те продолжают разрабатывать мирные темы, начатые ими до войны, – в надежде, наверное, что после устранения этого «недоразумения» все вернется на круги своя. Чего, конечно же, ожидать не приходилось!

В отсутствие явных свидетельств реагирования зодчих на события той войны, автор, не желающий, конечно, только констатировать такую пассивность и, быть может, ограничиться выявлением ее причин, обращается к нескольким побочным сюжетам. Один из них напрашивается сам собой – это характеристика состояния русского зодчества накануне войны. Но гораздо больший интерес, нежели эта достаточно неплохо изученная тема (вспомним труды Кириченко, Ревзина, Басса), представляют его рассуждения как о специфике мемориального зодчества, широко распространенного уже тогда за рубежом, а у нас еще долго дожидавшегося своего часа – и вот эта-то история еще никем не написана! – равным образом, те парадоксальные наблюдения, которые приводит он в связи с самым значительным проектом, порожденным войной – храмом-памятником работы Антонова, возможность

возведения которого активно обсуждается у нас в последнее время. Это, казалось бы, еще одно порождение ретроспективизма (церковь в «русском стиле») неожиданно оказывается в точке схода самых разных тенденций истории архитектуры – от барочного выдумывания геометрически идеальных храмов, до опытов авангарда. Возможно, Саблин даже несколько преувеличивает значимость такой встречи, произошедшей, на мой взгляд, без ведома зодчего, в силу случайности, вполне естественной при том эклектичном варианте творчества, который демонстрировали все эти мастера.

Вообще же, временами именно при чтении этой статьи возникает ощущение, что автору не так много и хотелось бы сказать по поводу влияния именно этой войны на именно эту архитектуру; быть может, дальнейшие поиски в таком направлении все-таки могли бы открыть какие-то более позитивные моменты взаимодействия зодчества 1910-х годов и той части русской культуры, которая не осталась к событиям войны равнодушной. Впрочем, крайне сложно указать хотя бы приблизительные направления таких поисков, так что утверждения автора (общего свойства) касательно безразличия архитекторов к военным действиям следует признать вполне убедительными. При всем том, было бы странно вовсе не затронуть в этом исследовании такой важной сферы отечественной культуры как зодчество, которому уже в скором времени открылись поистине блестящие перспективы, но, конечно, ценой великих потрясений... Полагаю, многие противоречия и странности тех событий автор сумел ощутить, заметить и передать в своем тексте вполне адекватно, думаю, текст этот из общего строя сборника не выпадает. Архитектуре, вообще, при столь широком обсуждении уделяют традиционно мало внимания; отрадно, что в данном сборнике эта тенденция оказывается все-таки преодоленной.

Материал, к которому обращается А.А. Бобриков – модернистское искусство эпохи позднего кубизма, дадаизма и раннего конструктивизма (искусства нефигуративного и все более концептуального) – не менее сложен с точки зрения проблематизации взаимоотношений с военным опытом, чем ситуация с архитектурой; предмет интересов автора весьма далеко отстоит от традиционной батальной живописи и других способов рассказа о войне, бытовавших прежде (скажем, в критическом реализме XIX века). Хотя русские художники-футуристы и демонстрировали высокий уровень формального мышления, сам способ описания войны – а впоследствии революции – на языке чистых абстракций оказался для них почти неразрешимой задачей.

Центральной для сюжета данной статьи становится проблема футуристического (и модернистского в целом) милитаризма, что интересно и необычно; искусство эпохи Первой мировой войны чаще описывается в рамках пацифистской мифологии. Кроме того, Бобриков делает главным

сюжетом своего текста довольно неожиданный аспект этого милитаризма: выражение пафоса индустриальной войны (пушек Круппа, Крезо и Армстронга) через апроприацию, ready-made и концептуальное конструирование фигуры «фиктивного автора» – а это практики, характерные для искусства значительно более поздней эпохи (хотя первые работы Дюшана такого рода и датируются 1913 годом). Любопытно, что сконструированный таким образом Крупп – главный художник Первой мировой войны (и главный современный художник) – является миру именно в России, пускай риторика подобных отождествлений восходит к манифестам Маринетти и итальянского футуризма (Бобриков, впрочем, отсылает читателя еще дальше – к Бодлеру, которого цитирует Тугенхольд).

Приведенные тексты 1914-1915 годов (в диапазоне от газетных статей до манифестов, написанных к футуристическим выставкам), большей частью забытые или малоизвестные, – служат вполне убедительной иллюстрацией этого основного сюжета. То же верно и в отношении текста Владимира Эрна «От Канта к Круппу», самого известного из цитируемых здесь и принципиального для авторской концепции. Сам перенос логики Эрна (текст которого, напомним, был посвящен философии) на Современное искусство убедителен, но, возможно, требует более подробного и развернутого описания утраты «онтологического» и т. п. аспектов.

Все это позволяет констатировать высокий научный уровень этого, безусловно, нужного исследования. Хотелось бы пожелать ему скорейшего опубликования.

Приложение 2

И.Д. Чечот, зав сектором истории и теории изобразительного искусства и архитектуры

Отзыв на коллективное исследование «Русское изобразительное искусство и архитектура в период Первой мировой войны»

На сегодня сборник представляет собой совокупность четырех относительно завершенных текстов (Саблина, Бобрикова, Королева, Громова) объединенных тематикой Первой мировой войны. В этих работах рассматриваются следующие вопросы: 1. Искусство и война как проблема взаимодействия. 2. Архитектура в России и Европе в период войны. 3. Русский авангард и война. 4. Памятники, поставленные в России к юбилею войны, и их связь с традициями 1914 г. 5. Русская художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны.

Работа И. Д. Саблина «Русская архитектура и первая мировая война» – более краткая и, вместе с тем, предполагающая более широкий взгляд на

проблемы взаимоотношения одного из искусств с обществом, государством, страной, участвующей в военных действиях, в момент, когда, как кажется, именно эта муза обречена крепче всех молчать – если, конечно, не понимать архитектурное творчество в давнем (еще более широком!) значении, относя сюда и военную инженерию, что в наши дни уже никто не делает. Единственной адекватной реакцией зодчих на войну (разрушения, утраты, в т.ч. заказов) может быть, пожалуй, лишь подготовка к неизбежно наступающему потом мирному времени – от воссоздания порушенного до празднования победы и поминовения усопших. Но именно этого, судя по всему, у нас в годы Первой мировой как раз и не происходило. Саблин пытается дать ответ на оправданный вопрос почему и находит его – пожалуй, сказано это недостаточно четко – в общем инертном состоянии в этот период русского зодчества, не способного ответить на вызовы времени так, как это удавалось другим искусствам. И изощренное исследование, лучше: расследование мотива «треугольности» в архитектуре, приведенное в связи с проектом церкви Антонова, хотя и поражает сначала своей неуместностью, в конце концов, убеждает, да, зодчих этого времени гораздо сильнее любых актуальных событий интересовали проблемы ровно такого отвлеченного рода. И автор следует логике их творчества, раскрывая глубокое содержание памятника, служащего хорошей иллюстрацией того, где в тот момент находилась русская архитектура, в каком незавидном положении.

Текст А.А. Бобрикова посвящен проблеме описания опыта Первой мировой войны – войны нового типа – на языке современного (в данном случае футуристического) искусства. В том числе искусства концептуального – с новыми трактовками артефакта (реди-мейда) и автора. Один из наиболее интересных сюжетов – превращение Круппа и в главного военного художника (лучше всех выражающего дух современной войны), и в главного современного художника, главного модерниста, главного футуриста. На анализе текстов, написанных в России в 1914-1915 годах (художественных манифестов, публицистических текстов, философских трактатов), демонстрируются разные способы превращения пушек Круппа в шедевры футуристического искусства. Необходимость такого рода манипуляций связана, очевидно, с осознанием бессилия традиционного (и даже раннемодернистского) искусства перед опытом современной индустриальной войны: проблема представлена в анализе последней главы книги Тугенхольда “Проблемы войны в мировом искусстве”, изданной в 1916 году. Еще один способ конструирования футуристического милитаризма — уже не концептуального, как в случае с Круппом, а чисто стилистического (на

основе композиции, пластики, ритма позднего кубизма) представлен традицией контррельефов Татлина.

Работа А.В.Королева «Памятники первой мировой войне 2014 г. Традиции и новации» посвящена официальным монументам, появившимся к юбилею войны в Москве, Петербурге, Калининграде и других городах». Автор подробно разбирает сами скульптуры и обстоятельства, связанные с их установкой. В статье интересно показано возрождение традиций батального и мемориального искусства начала 20 века.

Тема выбранная в тексте Ф.Ю Громова связана с описанием жизни художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны (1914-1917). Следует отметить то важное обстоятельство, что, несмотря на ряд исследования в советской историографии, данная тема представляется еще малоизученной, поскольку обращение к этой теме началось сравнительно недавно, а изучение ее в советское время часто было связано с установлением строгих идеологических предписаний. Именно поэтому многие аспекты не только общественной, но и художественно-культурной деятельности в эпоху «Великой войны», остаются до сих пор вне сферы интересов не только историков, но также и культурологов, и искусствоведов. В представленном тексте особое внимание уделяется теме восприятия войны разными социальными группами (здесь важно выявить механизмы взаимодействия и влияний не только связанные с трансформацией некоторых стереотипов художественного восприятия событий того трагического периода, но и проблемы взаимодействия как внутри социальных групп, так и общества и власти).

К сожалению, не готово пока предисловие и статья И.Д.Чечота «Атака. Мотив изобразительного искусства эпохи первой мировой войны. Картины К.С.Петрова-Водкина и Эггер-Линца». При условии доработки в течении первого полугодия 2017 г. (июнь) сборник мог бы быть окончательно завершен и представлен к печати.